Виталий Нахманович: украинцы между Сталиным и Гитлером

В преддверии 22 июня газеты (в том числе и еврейские) напишут о вероломном нападении, героической борьбе, ратном подвиге… И, конечно, о коллаборационизме… Об этом феномене в украинском контексте мы говорим сегодня с историком Виталием Нахмановичем.

Агитационный плакат, вербующий в дивизию СС "Галичина"

— Виталий, согласно определению, коллаборационизм — это добровольное и умышленное сотрудничество с врагом в ущерб своему государству. Пытаясь объяснить украинский коллаборационизм, есть соблазн ухватиться за слово «своему». Насколько своим государством стал СССР для жителей присоединенных в 1939-м областей Западной Украины? С одной стороны — сталинские репрессии и насильственная коллективизация, но с другой — всего за один год число украинских школ в регионе со 139 увеличилось до 6000 (!), были полностью украинизированы государственные учреждения, открылись 700 новых больниц и поликлиник, во Львовском университете наконец стали преподавать на украинском. Почему же немцев летом 1941-го встречали цветами так же, как русских осенью 1939-го?

— Надо понимать, что советская власть окончательно стала «своей» на территории *всей* (а не только Западной) Украины не в 1918 году, не в 1920-м и даже не в 1939-м, а только к 1945 году, и произошло это именно в результате войны. Огромное количество людей, не считавших это государство своим, во

время войны исчезло. Миллионы сдавались в плен именно потому, что не хотели воевать за это государство — и большинство их погибло в плену. Число ушедших с немцами при отступлении в 1943-1944 годах до сих пор точно неизвестно, но речь идет о сотнях тысяч. Однако больше всего было тех, кто остался на оккупированной территории, потому что ждал прихода цивилизованной Европы. И среди них было немало евреев, особенно в западных областях, которые заплатили за свои иллюзии жизнью. А миллионы украинцев, судьба которых сложилась более счастливо, тем не менее, увидев, *какая* Европа пришла в их дом, решили, что лучше уж Сталин, чем Гитлер.

Что касается цветов «освободителям», то от Советов в 1939-м многого ждали. Этническим украинцам при Польше было несладко. А новая власть принесла внешнюю украинизацию, но… в стиле коренизации 1920-х годов — все получили право славить партию на своих языках. Люди надеялись на реальную возможность национальной жизни, а им просто разрешили одеть на вышиванку красную звезду. Поэтому многие из тех, кто с цветами встречал в 1939-м Советы, в 1941-м также радостно встречали немцев, а потом — в 1944-м — опять Красную армию. Каждый раз была иллюзия, что кто-то придет и все наладится. Тем более, что когда Гитлер в 1941-м пришел в Украину, он был еще, по большому счету, темной лошадкой, а что сделал здесь к этому времени Сталин, уже было хорошо известно.

Надо понимать, что Украина исторически была колонией — польской, российской, потом советской — и как любая колония ориентировалась на того, кто мог принести ей освобождение. Ирландия и Индия тоже ведь симпатизировали Гитлеру во время войны. Поэтому я считаю, что вопрос общеполитической коллаборации для Украины вообще неправомерно ставить. Коллаборационизм — это предательство, а кого тут предали?

Да и вообще нельзя, на мой взгляд, подводить под одну «статью» о коллаборационизме столь разные модели поведения, как выживание при режиме, сотрудничество с режимом и соучастие в преступлениях этого режима.

— Преданность Великой Германии, декларированная лидерами Украинской державы, провозглашенной во Львове 30 июня 1941 года, была безоговорочной. Тем не менее немцы даже не пытались создать на украинских территориях (в отличие от большинства стран Восточной и Центральной Европы) национальное марионеточное правительство, сразу установив жесточайший оккупационный режим. Как метко заметил один известный историк, украинские националисты хотели быть союзниками немцев, а те опустили их до уровня коллаборантов. И даже после откровенного низведения местного населения до уровня недочеловеков мы сталкиваемся с избытком добровольцев при вербовке в дивизию «Галичина», успешным формированием батальонов украинской охранной полиции (шуцманшафт) и т.п. Что это — страх или надежда на смягчение немецкой политики? Так ведь госсекретарь Генерального губернаторства Кундт прямо сообщил Бандере: «Возможно, вы себя считаете союзниками немецкой армии? Но у немецкой армии нет никаких союзников на Востоке. Пользуясь военной терминологией, вы — покоренный народ».

— Эти люди — тогдашние лидеры украинского национального движения — хотели создать свое государство. В конце 1920-х годов, когда в Польше началось закручивание гаек, а в СССР шла коренизация, в ОУН даже всерьез обсуждали, как они вместе с СССР разобьют Польшу и провозгласят независимость Украины. А потом начинается уничтожение украинской культуры, Голодомор, который Гитлер, кстати, публично осудил, — единственный из всех западных лидеров, и это было услышано на Западной Украине. Кроме того, среди немецкого руководства, как партийного, так и военного, были разные мнения в отношении Украины — например, будущий рейхсминистр оккупированных восточных территорий Альфред Розенберг с начала 1930-х годов предлагал создание здесь национальных государств, союзных Германии, в т.ч. Украины. Эти дискуссии немцы вели практически до конца войны, так что основания для иллюзий у украинских лидеров были. А почему они вообще решились провозгласить Украинское государство 30 июня 1941-го? Потому что представитель Розенберга — капитан Ганс Кох, бывший офицер Украинской Галицкой армии, историк, директор Института Восточной Европы, — сказал им: ставьте Германию перед фактом — провозглашайте. А потом был арест Бандеры и к концу лета роман

его сторонников с немцами кончился. А к зиме закончился роман и с ОУН полковника Андрея Мельника. После этого немцы здесь уже стали расстреливать практически всех открытых националистов, которых им удавалось схватить.

— А какова была роль ОУН в формировании местной, подконтрольной немцам, полиции? Не мог же роман быть совсем бесплодным?

— На начальном этапе обе ОУН пытались внедрить туда своих людей, поскольку стремились любым путем создать собственные вооруженные формирования. Немцы быстро это поняли и уже зимой 1941-42 гг. начали вычищать оуновские кадры.

При этом вспомним, кто в основном шел служить в полицию? Отнюдь не сознательные украинские националисты, их вообще было очень мало, а бывшие советские военнопленные. Парень из ОУН вспоминает, как вместе с немцами набирали полицейских для Киева (тех самых, которые стояли в оцеплении вокруг Бабьего Яра) — приехали в лагерь для военнопленных под Житомиром, построили всех, спросили: кто хочет служить в полиции? Весь лагерь делает шаг вперед. Кто из вас украинцы? Весь лагерь делает шаг вперед. Взяли тех, у кого сапоги были целые, потому что служили-то в своем обмундировании. Вот и все. Знаменитый 118-й батальон шуцманшафта, который уничтожал Хатынь, был в основном набран в начале 1942 года из добровольцев в лагерях для военнопленных. Из-за этого провалился минский процесс 1986 года. Оказавшиеся на скамье подсудимых начальник штаба батальона Григорий Васюра и командир одной из рот Василий Мелешко были в начале войны офицерами Красной армии и членами ВКП(б)!

Кроме военнопленных в полицию шли служить обычные местные пацаны, потому что это были деньги, паек и гарантия от вывоза в Германию.

А сколько в полиции оказалось служак из НКВД — вообще отдельная история — достаточно посмотреть списки личного состава. Немцы ведь старались брать людей с опытом, особенно в уголовный и политический отделы, т.е. в гестапо.

— Болезненная тема — участие украинских подразделений (как под немецким командованием, так и подразделений УПА) в антиеврейских акциях. Судя по протоколам Совета сеньоров от 19 июля 1941 года, среди лидеров ОУН царило единодушие: евреи подлежали либо выселению в гетто, либо уничтожению — и в этом у националистов не было никаких разночтений с оккупационной властью. Ярослав Стецько пишет Бандере 25 июня 1941 года, что «мы создаем милицию, которая поможет убирать евреев» — заметь, это еще проявление самодеятельности, так сказать, «инициатива снизу». Как и готовность перенести на украинскую почву «немецкие методы экстерминации жидов». Американо-канадский литератор и историк Марко Царинник называет антисемитизм ОУН программным и погромным, профессор Альбертского университета Джон-Пол Химка придерживается схожих взглядов. Разделяешь их мнение?

— Что касается идеологии, то отношение руководства бандеровской ОУН к любому народу было абсолютно рационально и зависело от того, как, по их мнению, позиция этого народа влияла на дело создания независимой Украины. И в этом смысле все было четко расписано: поляки — враги, ибо хотят, чтобы здесь было польское государство. Русские — враги, потому что стремятся установить здесь советскую «русскую» империю. А евреи — враги, поскольку в силу своих коммунистических симпатий ориентированы на Москву. Что предполагалось сделать с евреями? Четкой программы не было. Рассматривались разные варианты: частичное уничтожение, выселение из больших городов, концентрация в гетто, запрет на участие в политической жизни.

При этом надо четко понимать, что все это близко не стояло к нацизму, который рассматривал евреев как буквально инфернальных врагов цивилизации, уничтожение которых во всем мире было, по убеждению Гитлера, залогом выживания человечества. Хотя в июне-июле 1941 года нацисты еще не перешли к тотальным расстрелам, так что «немецкие методы экстерминации» на тот момент — это, в основном, депортации и переселение в гетто. К слову сказать, по-немецки «экстерминация» — это, в первую очередь, «изгнание», «высылка из пределов страны».

Теперь о практической реализации всех этих установок. Участие батальона «Нахтигаль» (о «Роланде» речь вообще никогда не шла) в конкретных антиеврейских акциях, как минимум, сильно преувеличивается. Что касается УПА, то тут всё основывается на воспоминаниях выживших в лесах евреев, которые называют нападавших на них людей «бандеровцами». Сколько из этих «бандеровцев» были действительно бойцами УПА, а сколько — обычными местными бандитами и мародерами, сегодня уже, наверное, установить невозможно. В любом случае, у нас нет никаких свидетельств о том, что командование УПА проводило систематическую централизованную акцию по уничтожению евреев. Наоборот, есть документы, в которых указывалось, что в результате немецких чисток еврейский вопрос потерял свою актуальность. Позиция, конечно, циничная, но мы же сейчас говорим о практических последствиях.

— А как быть с тем, что к концу осени 1941-го украинская вспомогательная полиция приняла активное участие в уничтожении от 150 до 200 тысяч евреев только на территории Рейсхскомиссариата Украина. Украинские батальоны, среди прочего, принимали участие в охране 50 еврейских гетто и 150 лагерей, ликвидации еврейского населения во многих местечках, уничтожении еврейских детей в Радомышле и Белой Церкви…

— Известно, что немцы в большинстве своих акций использовали местную полицию — для разных задач — собрать, оцепить, участвовать в убийствах. Но, опять же, украинская полиция — это не формирования ОУН, а, в основном, бывшие советские военнопленные. Только в киевском котле в плен попало

500-600 тыс. человек. Немцы не ожидали такого количества пленных, они просто не знали что с ними делать. Естественно, обязательства по отношению к этим несчастным были минимальны — Женевскую конвенцию СССР не подписал. Охранники их не кормили или бросали гнилую свеклу. Местных немцы до конца осени 1941 года просто отпускали по домам. Но если тебя не отпустили, ты живешь — в прямом смысле слова — на земле и умираешь с голода, то становишься гораздо сговорчивее в ответ на предложение послужить оккупантам. А дальше — человек «попадал». Но ведь ни в одной стране Европы местная полиция не отказывалась соучаствовать в том, что ей приказывали немцы. Просто в других странах им не велели расстреливать.

— А были случаи самодеятельности?

— О ситуациях, когда местная полиция проводила акции без немецкого приказа я, честно говоря, не знаю. Погромное движение на Западной Украине — вот это голая самодеятельность. Хотя многие погромы немцы сознательно провоцировали — открывали тюрьмы, демонстрируя населению расстрелянных жертв НКВД, сгоняли евреев вытаскивать трупы и т.д. Это происходило не только во Львове на Лонцкого, а во многих городах, причем, немецкая политика по стимуляции «акций самоочищения» зафиксирована документально. Летом 1941-го по Западной Украине прокатилась волна погромов — большие погромы с тысячами жертв прошли в Золочеве и Тернополе, по несколько сот человек погибло еще в 10-11 городах, свыше десяти убитых было еще в 30-40 населенных пунктах, и до двухсот погромов обошлись без жертв или почти без них.

— И чем, кроме немецких провокаций, ты объясняешь эту погромную волну?

— Этот вопрос на самом деле требует отдельного исследования. Обычно выстраивается «логическая» цепочка — раньше громили и сейчас громят — это, так сказать, «нормальное состояние» украинского народа — устраивать еврейские погромы. Но дело-то в том, что в 1941-м громили на Западной Украине, на бывшей советской Украине этого не было. А в период Гражданской войны все происходило ровно наоборот — на Западной Украине

было тихо, за исключением погромов, устроенных в Тернополе солдатами армии УНР и во Львове поляками. Евреи отправляли делегации к Петлюре с просьбой поставить гарнизоном галицких Сечевых стрельцов — это была гарантия от погромов. Так или иначе, но за двадцать межвоенных лет межнациональные отношения в треугольнике украинцы — поляки — евреи кардинально ухудшились, чему способствовал и рост национализма в Польше.

— Поляки третировали евреев не меньше, чем украинцев, казалось бы, нацменьшинства должна была сблизить общность судьбы.

— А вот не сблизила. Была попытка парламентского сотрудничества, но в конце 1920-х она сошла на нет. А потом евреи стали вести стандартную для диаспоры политику — заигрывали с поляками, ориентируясь на господствующую нацию и культурно, и политически. К тому же шла конкуренция на экономическом поле, в конце 1920-х для противостояния еврейскому экономическому доминированию возникает украинская кооперация, получившая политическую поддержку от ОУН. Вообще во всей Европе с начала 1930-х годов мы наблюдаем упрочение позиций национализма как способа мышления. ОУН ведь была не единственной украинской политической силой, но именно она становится ведущей, особенно после советско-немецкой оккупации Польши, когда деятельность легальных партий была запрещена.

— Виталий, война может многое списать, но после нее должно наступать отрезвление. Тебе не кажется характерным, что в изданной в 1954 году книге Бандера даже задним числом не ставит под сомнение моральную сторону союза с нацистской Германией, обвиняя несостоявшегося союзника лишь в том, что тот не воспользовался поддержкой украинских националистов. А то, что сегодня Владимир Вятрович, комментируя контакты ОУН с нацистами, замечает лишь, что Бандера «скептически оценивал возможность использования немецкой помощи в возрождении Украины»? Остальное, видимо, его не смущает.

— Адекватная оценка этому несостоявшемуся союзу не дана именно потому, что украинское национальное движение проиграло. Будучи победителем, ты

можешь признавать какие-то свои ошибки. Проигравший же всегда держит круговую оборону. И получалось, что, признавая хотя бы идеологический антисемитизм украинских националистов, не говоря уже о конкретных фактах участия в уничтожении еврейского населения (о чем постоянно вопили в СССР), ты играл на руку врагу.

Во-вторых, у националистов, как и у любого движения, есть свой пантеон. Поскольку их главная цель — достижение независимости, то первые лица в этом пантеоне — те, кто за нее боролся. А коллективная мифология и историческая память не работают в режиме оттенков — человек либо герой, либо нет.

То же самое происходит сегодня в России — казалось бы, о Сталине известно уже практически все. Но нет, подняли на щит — любыми средствами отмывают.

Проблема в том, что до сегодняшнего дня и Бандера, и Сталин — это не умершие персонажи — они живут и борются рядом с нами.

— Тем не менее Бандера писал эту книгу не под диктовку…

— Это типичная проблема лидера, который был исключен из реального процесса, но оставался знаменем. Бандера при Польше сидел, при немцах ненадолго вышел, потом опять сел. Он просто не понимал, как меняются реальные условия.

— Допустим, но главе ученого совета Центра исследований освободительного движения Вятровичу нет и сорока, и он, надеюсь, понимает, как изменились реальные условия?

— Реальные условия, действительно, изменились в том смысле, что о возможностях союза с Гитлером говорить аморально, а со Сталиным — почему-то нет. Хотя в смысле морали ни между ними, ни между режимами, которые они возглавляли, я лично разницы не вижу. Но относительно уничтожения евреев Вятрович как раз все очень хорошо понимает, не случайно он целую книгу написал с целью снять обвинения с бандеровской ОУН в этом вопросе.

При этом Вятрович, конечно, работает в сегодняшней системе идеологического противостояния, а не пишет объективно-нейтральную историю. Но должен заметить, что и профессор Химка, живущий в благополучной Канаде, и Марко Царинник тоже излагают историю, исходя из своих мотивов и представлений. Химка, например, — человек леволиберальных взглядов, для которого коммунизм все равно лучше национал-социализма, Сталин все равно лучше Гитлера и т.п. Другими словами, тот же Вятрович, но с другой идеологемой.

— Хорошо, поговорим о фактах и мифах. У многих, например, вызывает сомнения, что жена Романа Шухевича прятала еврейскую девочку Ирину Райхенберг, скончавшуюся в Киеве в 2007 году, учитывая, что эта женщина почему-то не вызвала интерес ни у одного летописца УПА! Или история о Стелле Кренцбах — еврейке-члене УПА, сведения о которой так и не удалось найти в израильском МИДе, где она якобы работала.

— Кто писал историю УПА до недавнего времени? Бывшие ее бойцы. Писали о том, как они героически боролись и их уничтожали. Типичная ура-история из уст участников событий, которых мало интересовали такие эпизоды, как спасение еврейской девочки. Тем более, что спасение еврейки женой Шухевича никак не опровергает теоретической возможности того, что сам он мог быть причастен к каким-то антиеврейским акциям. Т.е. с точки зрения пропагандистской войны сам по себе этот факт ничего не дает.

Что касается Стеллы Кренцбах — возможно, это просто красивая история, миф, но ведь достоверно известно о существовании других евреев, служивших в УПА, — сохранились их следственные дела.

— Напоследок цитата ветерана ОУН Евгена Стахива (если кто помнит Стаховича из «Молодой гвардии»): «30 июня 1941 года <…> на всех наших плакатах было написано — «Пусть живет Гитлер!» Потому что мы надеялись, что будем объединенной страной в новой Европе, хотя и понимали, что так называемая «Новая Европа» — это гитлеровский СССР! Мы готовы были ради объединения Украины стать немецким вассалом. И <…> немцы хорошо сделали, что нас тогда разогнали, <…> мир бы нас проклял за то, что мы немецкие прислужники! <…> Мои коллеги хвастаются, что начали воевать против немцев. Нет. Это немцы заставили нас с ними воевать».

Разумеется, сравнение условное, но давай сопоставим отношение словаков к Йозефу Тисо, которому удалось то, что не удалось Бандере, — стать президентом Словацкой республики под патронатом Третьего рейха, — с отношением многих украинцев к лидеру ОУН. Сложно представить, чтобы президент Словакии, даже крайне правых взглядов, решился присвоить Тисо звание Героя страны…

— Ну, во-первых, мы не очень знаем, как словаки сегодня относятся к Тисо. То, что после войны он был проклят в Чехословакии, — это понятно. Впрочем, Стахив прав — Бандера хотел стать главой государства, но не стал — и это ключевой момент для понимания сегодняшнего к нему отношения. Почему, например, Скоропадский не вошел в пантеон национальных героев? Потому что он пришел к власти на немецких штыках. Он ничего страшного не сделал, но остался в массовом сознании марионеткой. А арестуй немцы Скоропадского — стал бы знаменем.

Признай Гитлер правительство Стецько — возможно, по-другому пошла бы история. Но то, к чему тогда были готовы лидеры ОУН, было нивелировано тем, что их реально ждало…

Беседовал Михаил Гольд